

Иви Тару

Аферистка на царской службе

ЗАГОВОР
МОЛЧАЩИХ

*Гадалка-аферистка против Тайной Канцелярии,
в Российской империи, где правит магия.*

НАСТОЯЩИЙ ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Настоящий имперский детектив

Иви Тару

**Аферистка на царской
службе. Заговор молчащих**

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тару И.

Аферистка на царской службе. Заговор молчащих / И. Тару —
«Издательство АСТ», 2026 — (Настоящий имперский детектив)

ISBN 978-5-17-190858-4

Карты мой хлеб, и кто бы мог подумать, что после ДТП с самокатом я окажусь в другом мире в теле гадалки. Теперь я Люсиль Шуйская, молодая, красивая, стервозная. Беда только, что настоящая Люсиль успела перед смертью влезть в какой-то политический заговор и теперь ей, то есть мне, грозит смертный приговор. Мое дело ведет высокомерный красавчик-пристав из Тайной канцелярии да к тому же мой однофамилец. Он не верит в мою невиновность, и есть лишь один способ выкрутиться – помочь ему раскрыть заговор и спасти жизнь царственной особы. Он думает, что я просто магичка-неудачница, не подозревая, что во мне нет ни капли магических способностей. Зато есть море обаяния и хитрости. Берегитесь, граф Шуйский, вы еще будете горько плакать, отправив меня на казнь. Гадалка-аферистка Люся, погибнув в нашем мире, переносится в тело своей альтернативной версии – Люсиль Шуйской – в Российской Империи, где правят не технологии, а магия.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-190858-4

© Тару И., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иви Тару
Аферистка на царском троне
Заговор молчащих

© Тару И., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть 1

Карты не лгут

Глава 1

Карты не врут?

Возвращение в реальность оказалось мучительным. Тело ныло, каждая клеточка терзалась и молила о пощаде. Глаза все же открылись и показали мне потолок. Ага, я дома, а что со мной случилось? События последнего дня испарились из памяти. Напрасно я пытала и морщила лоб. Хорошо, надо встать и начать что-то делать, и все восстановится.

Ноги почему-то отказывались сгибаться, посучив ими, я поняла, что дело не в параличе, а в подоле длинной юбки из какой-то тяжелой ткани. Руки нащупали бархатистую поверхность. Интересно, когда ж это я успела облачиться в такое, и главное, где взяла? В моем гардеробе были исключительно легкие натуральные ткани в стиле «бохо», чтобы поддерживать имидж прирожденной ведьмы.

– У-у-у! – завывло в ушах, и мне показалось, что завывала именно я, но с чего?

Мысли никак не хотели останавливаться, передо мной мелькали фрагменты нечетких видений: дома, широкие проспекты, скверы, фонтаны, люди в странных одеждах, будто они сбежали со съемок исторического фильма. Да и город показался смутно знакомым. Неужели Петербург – город, где я родилась и из которого уехала, как только представилась возможность? Что поделать, сырой климат не для меня.

Снова кто-то завыл совсем рядом со мной, ну, может, чуть выше, потому что лежала-то я на полу. Еще немного послушав, я поняла, что это не вой, кто-то зовет меня по имени, но очень гнусаво и на одной ноте.

– Лю-силь! Лю-силь! Лю-силь!

Какая нафиг Люсиль? Я Люсьена! Я еще не сошла с ума, хоть и умерла... Что?! Стоп! Точно! Меня сбила какая-то сволочь на электросамокате и потом еще шандарахнуло шаровой молнией. Боже!

Грудину пронзило адской болью, я забилась в конвульсиях и ударилась затылком об пол, под закрытыми веками заплесали цветные круги, и в их мельтешении, я увидела руки и карты на бархатной скатерти. Длинные тонкие пальцы бережно, но немного нервно раскладывали карты Таро на столе.

Мысли той, что сейчас делала расклад на будущее, стали моими. Тревога гадалки передалась мне.

Она верила картам. Карты не врут. По крайней мере, ей они всегда говорили правду. Значит, нет оснований не верить им и сегодня. Тонкие холеные пальцы чуть заметно дрожали, когда переворачивали карту рубашкой вниз.

Смерть. Да, карты раз за разом показывали одно и то же.

Горький вздох вырвался из груди женщины. Она запустила пальцы в густые темные волосы. Ну, почему? Она ведь так молода и не готова умирать. Нет, нет и нет! У нее же есть способ отвести беду!

На полке комода, в небольшой шкатулке лежал заветный флакончик. Его подарила очень давно одна ведающая, с которой тогда еще совсем юную Люсиль Шуйскую свела судьба. Старуха попросила показать ладонь и долго разглядывала слезящимися глазами, но ничего не сказала, лишь вложила ей в руку хрустальный сосуд размером с мизинец.

«Это тебе на крайний случай, – улыбнулась она чуть грустно. – Ты поймешь, когда он наступит».

Старая ведьма оказалась права – она поняла. Жидкость оказалась густой, с привкусом мяты и базилика, и совсем не похожа на смерть. Мадам Люсиль, как значилось на визитках, которые она раздавала клиентам, прислушалась к ощущениям. Терпкий запах зелья окутал ее сердце паволоком надежды, набросил на страх тончайший шелк уверенности, что принятое снадобье именно то, что может отменить неизбежный конец.

Она вернулась за стол, сдернула платок с хрустального шара и постучала по гладкой поверхности костяшкой согнутого указательного пальца.

– Э-э-й, соберись. Скоро придет клиент.

С улицы донесся оглушительный трезвон колокольчика. Люсиль потянулась и дернула за витой шнур у стены, тем самым разблокировав замок калитки, который громко клацнул, показывая гостю, что путь открыт.

Она подошла к двери, готовясь встретить его у порога. Это очень важно, чтобы гость увидел первым ее улыбку и проникся доверием. Доверие – самое важное...

Додумать эту мысль Люсиль не удалось. Дверь распахнулась. Там стоял вовсе не тот человек, которого она ожидала увидеть, но удивиться она не успела. Ослепительно белый плазмод ударил ей в грудь, сердце болезненно кольнуло, в глазах потемнело, последнее, что она увидела, – это внимательный взгляд человека, который только что ее убил. Ну, почти.

В моем видении женщина по имени Люсиль отлетела от двери и грохнулась об пол, а мое тело вновь пронзил разряд тока.

Какой все же отвратительный сон! Надо просыпаться. Проснись, Люсьеночка, проснись. О, да!

Фу, кошмар кончился, и вот я вполне себе живая иду по набережной нашего уютного южного городка.

Море звало и ластилось, и я бы проводила возле него время с утра до вечера, но увы. Карты сами себя не разложат и не напойт в уши клиенту о том, какие страшные беды ждут его в самом ближайшем будущем. Нет, я бы с радостью говорила клиентам одни лишь приятные вещи, и, кстати, так поначалу и делала. За моей спиной имелось какое-никакое психологическое образование, увы, не оконченное.

Едва ступив на зыбкий путь предсказаний и гаданий, я быстро поняла, что клиенты обращаются к экстрасенсам отнюдь не за хорошими прогнозами.

Во-первых, мало кто верит, что впереди их ждет счастье, во-вторых, начинают подозревать в тебе шарлатанку (а оно нам надо?). Поэтому только страшные вести, только хардкор!

Если же плохой прогноз сбывается, они начинают обрывать телефон, просясь на повторный сеанс. О, эти странные тревожные люди!

Благодаря им я уже который год живу на берегу теплого моря, а карты честно обеспечивают мне весьма приличный уровень жизни.

Могла ли я подумать, что шоу с экстрасенсами выдернет меня из привычной жизни в мир карт, магических шаров и прочей лабуды?

Да-да. Десять лет назад один знакомый из мира кино пригласил поучаствовать в съемках передачи. Сказал, что наличие экстрасенсорных способностей вовсе не нужно (выполнять задания мне помогут), зато у меня отличная фактура: аристократическое лицо и ободряющий взгляд. Это будет отлично смотреться на фоне унылых шаманок и ободренных плешивых колдунов. Он оказался прав. Когда зрители раз за разом голосовали за меня, он целовал мои пальчики и закатывал глаза к небу, радуясь растущему рейтингу.

После шоу ко мне потянулись клиенты, они писали, звонили, караулили под дверью квартиры.

Бизнес просто сам приплыл в руки – кто бы отказался на моем месте?

Размышляя таким образом, я шла по набережной, которую в народе у нас зовут набережной Круазетт. Взгляд наткнулся на рекламную вывеску кричащего желтого цвета: «Переменяйся по миру вместе с Паль-Мирой». Фирма по прокату этих самокатов начала работать не так давно, но уже стала всеобщим раздражителем. Не было и дня, чтобы в новостях не мелькнуло сообщение о том, как бешеный самокатчик кого-то сбил.

– Люсьена! – услышала я чей-то голос и обернулась.

Память, на которую я не жалуюсь, сразу подсказала имя, вернее, фамилию – Карапац. Он был у меня на сеансе три месяца назад и...

Мужчина быстро подошел и остановился близко, слишком близко, чем нарушил мое личное пространство, так сказать.

– Слушаю вас, – я все же улыбнулась.

– Нет, это я вас слушаю, – прошипел он. – Вы сказали, что они будут расти, я купил на все деньги, я взял кредит, а неделю назад все рухнуло, мои акции теперь не стоят той бумаги, на которой напечатаны...

– Простите, я вас не понимаю, – хоть я и продолжала улыбаться и строить из себя дурочку, но сделала два шажка назад, а потом еще один.

– Меня не надо понимать! – чуть ли не взвизгнул он. – Верните мои деньги! Шарлатанка! Аферистка! Вы небось в сговоре с Неровичем? Да, отвечайте, это он вас подговорил? Сколько он вам заплатил, ну?

Мужик нес пургу, в которой я ровно ничего не понимала, видимо, мой расклад карт на вопрос по финансовым вложениям оказался неточен, и этот тип решил, что это его враги все подстроили. Милый, кто ж в таких вопросах к гадалкам ходит? Высказать все это я тоже не успела, потому что мой нелюбезный собеседник вытащил пистолет. От вида оружия у меня что-то переклинило в голове – до ужаса боюсь этих смертоносных штучек. Не дожидаясь, пока мужик начнет меня дырявить, я бросилась бежать по красиво уложенным плиткам набережной. Сзади слышались крики: «Стой, паскуда! Стой, дрянь!», но меня было не остановить.

В боку сразу закололо, и не просто иглой – спицей. Дыхания не хватало, сердце бухало, но я бежала, каждое мгновение ожидая пулю между лопаток. Все же он меня достал, решила я, ощутив сильный толчок в спину, как раз куда-то в область сердца. Цветные плиты набережной бросились мне навстречу, в последний момент я успела сгруппироваться и перевернуться лицом вверх: все же в гробу лучше лежать с прямым, а не со свернутым набок носом.

Что-то желтое мелькнуло в воздухе, я увидела логотип «ПальМира» и поняла, что догнала меня не пуля, а проклятый самокат. Мало того, что он громоздкий и гремящий, он еще и искрился где-то в области руля, возможно, что-то случилось с аккумулятором. Веселые огоньки, бегающие по стальному телу агрегата, сбежались в одно место, слиплись в небольшой сияющий шар и с маху ударили меня в грудь.

Далее все выглядело забавно: столько людей, и все бестолковые. Бегают, машут, кричат чего-то. Странно, почему я вижу все это как бы со стороны да к тому же сверху? Я хотела шевельнуть рукой и поняла, что ни рук, ни ног у меня нет, больше нет. Толпа чуть расступилась, и я увидела... себя. Свое тело, нелепо раскорячившееся на земле.

– Да чтоб вас! – крикнула я, но голоса не услышала, наверное, голоса меня тоже лишили. – Я атеистка! – снова крикнула я куда-то в пустоту. – Я не верю в загробную жизнь! Верните меня быстро обратно!

Это были последние слова, что я смогла произнести, а потом меня отключили. От жизни.

И снова меня выдернул из забытья чей-то противный голос.

– Люся! Что с тобой! Люся! – причитал он.

Вот щас как встану, как дам в лоб! О чем думали мои родители, называя меня Людой? Терпеть не могу ни его, ни его производные типа Люси. Кучу нервов потратила, пока переучила всех называть меня красивым именем Люсьена. И вот нате!

Собрав кое-какие силы, я перевернулась на бок, потом на живот, подтянула ноги, встала на четвереньки, углядела рядом с собой стол, ухватила за его край и подтянула себя вверх.

Упав грудью на широкую поверхность, я осмотрелась. Ну, это точно не мой уютный домик с интерьером в стиле «Прованс». Тут явно что-то ампирное. Тяжелые шторы с кистями, обои с вычурными цветочными узорами, мебель...

– Лю-сенька, ты как?

Голос раздался прямо перед моим лицом, но я никого не увидела.

– Кто тут? – прохрипела я. – Вы где?

– Ту-у-ут, – прохныкал голос. – В шаре. Ты ж меня сама туда посадила...

Прямо перед моим носом стоял большой хрустальный магический шар. У меня у самой был такой же – клиентки обожали смотреть в него и видеть то, что я нашептываю им тихим, замогильным голосом. Только мой шар был прозрачен, как слеза, а в этом, обняв себя руками за коленки, сидел парень лет семнадцати или около того и хлюпал носом.

Глава 2

Хрустальный шар

Минута ушла на то, чтобы ущипнуть себя пару раз – и довольно-таки больно. Нет, парень в шаре никуда не исчез. Более того, смотрел на меня с явным осуждением. Прежде чем он снова начал канючить, я накрыла шар платком, который валялся тут же на столе. И тут – опачки! Под платком лежали карты весьма узнаваемого вида; почти такие же кормили меня долгие годы. Надо же, я что, попала в дом какой-то гадалки? Тогда понятно, откуда шар, и карты, и весь этот антураж. Может, кто-то из так называемых «коллег по цеху» притащил меня к себе? Спрашивается, зачем?

Я попробовала выпрямиться, потому что так и полулежала на столе. Грудную клетку нещадно ломило, будто мне воткнули кол прямо посередине. Надо бы посмотреть, может, у меня там пуля...

От мысли о пистолете меня затрясло. Ведь я могла погибнуть; надо бы написать на этого психа заявление в полицию. Вот только доберусь до дома.

– Люся! – раздался голос из-под платка. – Ой, прости... Люсиль, ну, пожалуйста, выпусти меня. Ты же говорила, что это ненадолго...

– Я не Люсиль, – пробормотала я и все же выпрямилась.

Сделала несколько неверных шагов; в затылке отдалось болью. Ну, конечно, я же ударилась при падении. Наверняка сотрясение, вот и мерещится всякое. Ладонь коснулась больного места на голове и замерла. Нет, там не было раны, как можно было бы ожидать, но там были волосы; я бы сказала, там была густая грива, и она явно не принадлежала мне. Медленно я провела рукой от корней до кончиков, а потом оттянула пряди так, чтобы увидеть их глазами; потом для верности еще и дернула. Вдруг какие-то шутники напялили на меня парик? Нет, густые, цвета темного шоколада, волосы оказались родными – во всяком случае, росли точно из моей головы. Или не моей.

Я плюхнулась на ближайший стул. Все это надо обдумать. Взгляд упал на руки, безвольно лежащие на коленях, и страх пробежал тонкими паучьими лапками от затылка до копчика: это были чужие руки. Уж свои-то пальцы я знаю как облупленные. Как говорится, руки – главный инструмент каждой уважаемой гадалки: именно их видит клиент во время сеанса, их и карты. Даже если в картах он ничего не понимает, то руки могут сказать о многом. Нет, за этими руками тоже тщательно ухаживали, но все равно они не были моими.

Черт! Я коснулась лица; пальцы нащупали тонкий нос – не мой; брови – не мои; уши... Так, мне срочно нужно зеркало!

Зеркало отыскалось в ванной, а ванна – в конце коридора.

Кстати, ванна тоже представляла прекрасный образчик ретро-стиля. Большая бронзовая чаша на гнутых ножках матово блестела посреди просторного помещения с огромным окном. Ничего себе! Я даже забыла, что искала. Подошла к окну и уставилась на зеленые заросли за ним. Все было в пределах нормы, кроме одного: кустарники и деревья очень походили на те, что когда-то я видела каждый день, выходя из подъезда своего дома в Петербурге. Ни тебе пахучих роз, ни магнолий, ни пальм...

Допустим, кто-то просто хотел сад с растениями северных широт. Почему нет? Я задернула штору. В комнате стало темно, и лишь тусклая лампочка отразила силуэт в большом зеркале на стене. В нем отражалась стройная фигура в весьма причудливом платье: корсет плотно обтягивал тонкую талию, а к ногам спускалась пышная юбка.

Чтобы убедиться, я подошла вплотную и долго разглядывала чужое девичье лицо. Ей было не больше двадцати пяти, этой, чье тело я заняла. Да, заняла. Стоило увидеть свое (ну,

не совсем) отражение, мне вспомнилось лежащее на асфальте тело и то, как я парила над ним и удивлялась, почему меня никто не видит.

Выходит, рассказы, что умершие вылетают и какое-то время носятся среди живых, – совсем не сказки. То есть я умерла, но не умерла, а перенеслась куда-то, фиг знает куда, в тело... Чье?

Платок слетел. Парень все так же сидел в шаре; он уже не плакал и не просил. Смотрел настороженно.

– Ты кто? – спросила я.

– А ты?

Парень-то не дурак.

– Я Люсиль, а ты – наглец, – тут же пошла я в атаку.

Он прикрыл глаза.

– Положи руку на шар, Люсиль, – попросил он.

Не чувствуя подвоха, я так и сделала.

– Мёрде! – вскрикнул парень и скорчился, закрыв лицо руками.

– Мама не говорила, что ругаться нехорошо?

Он поднял глаза.

– Ох, Люсиль! – простонал он. – А я говорил... это не могло хорошо кончиться.

– Да ладно. Подумаешь...

– Люсиль! Сестренка моя! – причитал парень. – Как же я теперь?

– Да хватит уже! – прикрикнула я. – Я жива, все хорошо...

– Заткнись, самозванка! – крикнул он так зло, что я чуть отшатнулась.

Значит, парень понял, что Люсиль вовсе не Люсиль; что ж...

– Послушай, – я придвинула стул и села ближе. – Я вовсе не хотела сюда попасть, но подозреваю, что я погибла, и меня как-то пихнули в это тело. Можно подумать, я просилась.

Парень оторвал руки от лица и посмотрел на меня уже без прежней злости.

– Погибла? – задумчиво произнес он. – Люсиль тоже погибла... Я видел. Ее ударили плазмой. После такого не выживают. Если только... Эй, как тебя, посмотри там, в шка-тулке, лежит флакончик?

– Меня зовут Люсьена, – сдерживая раздражение, представилась я. – Не надо мне эйкать, ты еще маленький...

– Проверь шкатулку! – перебил наглец.

Что ж, я встала и поплелась к тумбочке у стола. Там среди кучи всяких безделушек стояла инкрустированная перламутром шкатулка.

– Вот, – я показала издали стеклянный флакон.

– Он полный?

Пришлось потрясти его и даже открыть плотно притертую крышечку.

– Нет. Пусто.

– Ясно.

Вернувшись к столу, я застала парня, расхаживающего по шару туда-сюда.

– Может, объяснишь? В этой ситуации никто из нас не виноват. Давай уже как-то поможем друг другу.

Против ожидания, парень не стал дерзить, а кивнул.

– Сестра боялась. Карты пророчили ей гибель. Она выпила зелье трансформации. К сожалению, никто из нас не знал, как оно работает. Ведь тех, кто его выпил, уже не спросишь. К нему прибегают в самом крайнем случае. Что ж, надеюсь, Люсиль сейчас в не самом плохом месте. Так ведь?

Мысленно усмехнувшись, я кивнула.

– Как тебя зовут, братец? – попыталась я как-то разрядить обстановку.
– Теодор, – буркнул он. – Можешь звать меня Тедди.
– Федька, что ли?
– Вот вылезу отсюда, как тресну! – пообещал новообретенный родственник. На вид ему было не больше восемнадцати; русые волнистые волосы, конопушки на носу...
– Слушай, а ты на сестру и не похож совсем, – заметила я.
– У нас отцы разные, – пояснил он. – Короче, ты должна меня вытащить отсюда.
Я подняла руки в знак согласия.
– Не возражаю. Если расскажешь как.
Он почесал лоб и опять попросил:
– Положи руку на шар.
Да пожалуйста. Ладонь накрыла шар.
– Что чувствуешь?
– Ничего. Шар, как шар. Такой же, как у меня, там, в той жизни. Стекляшка.
– Стекляшка??? – голос парня перешел в шипение, но потом он выдохнул и бросил: – Конечно, чего ждать от нулёвки!

Это он про меня? Ну, знаете ли! Я взяла в руки платок и демонстративно расправила его, делая вид, что собираюсь накрыть им шар.

– Ладно, ладно! – Тедди постучал по стеклу изнутри. – Извини. Где-то в вещах сестры должны быть записи заклинаний. Поищи.

Поиски затянулись; я последовательно обыскала ящики комода, тумбочек, полки платяного шкафа. Да, вот возле шкафа я зависла надолго. Там в ряд висели платья, но какие! Все как из театральной примерочной. Разных, но преимущественно темных цветов, и все, как одно, с длинными юбками и какими-то финтифлюшками. Хозяйка принципиально не носила современную одежду?

Зато в шляпной коробке я нашла искомое: блокнот с обложкой из тисненой кожи. Тедди необычайно воодушевился.

– Так, ищи заклинание перемещения!

Резкий звук прервал его. Звук повторился; я повертела головой.

– Это звонок, – пояснил Тедди. – Кто-то пришел. Но мы никого не ждем, поэтому лучше не открывать.

Тут я не могла не согласиться. Прежняя хозяйка этого тела тоже вот открыла дверь и поплатилась. Поэтому мы с Тедди принялись листать блокнот. Я переворачивала страницы, а Тедди старательно читал, потом мотал головой, мол, не то, давай дальше.

Мы так увлеклись, что даже не обратили внимание на то, что снаружи доносились подозрительные звуки, а когда обратили, было поздно. Входная дверь распахнулась, и в комнату ворвались люди. Я еще успела заметить, что одеты они во что-то вроде мундиров: черных, с золотыми пуговицами и нашивками на рукаве.

– Госпожа Шуйская! Вы арестованы за госизмену! – пробасил один из них.

– Прямо так сразу – арестована? Может, для начала – задержана? – не преминула я блеснуть юридическими познаниями.

– Вот ордер на ваш арест. – Сунули мне под нос какую-то бумагу.

Краем глаза я заметила, как Тедди свернулся на дне шара калачиком, постаравшись стать как можно незаметнее. Ловким движением руки я скинула на пол блокнот и отпихнула его ногой подальше, туда, где почти до пола свешивалась бахрома скатерти.

Больше я ничего сделать не успела: на руки мне опустились железные кандалы. Самые натуральные. Тяжеленные, как гири. Два толстенных обруча сковали запястья, а между собой их соединяла не менее толстая цепь.

Меня вытащили за дверь, провели по дорожке к калитке. Я еще успела повертеть головой, чтобы убедиться, что прежняя Люсиль, а теперь я, живет (жила?) в прелестном местечке. Дом стоял за кованным забором, окруженный садиком. На улице пусто, а возле калитки сейчас вышался большой черный агрегат, больше всего напоминающий вагон-теплушку, поставленный на обычные колеса. Хотя и колеса, пожалуй, были странными: не из черной резины, а непонятного желто-белого материала. Больше ничего разглядеть не удалось; меня впихнули внутрь, сами черно-мундирники сели по бокам. Под днищем что-то скрипнуло; странное транспортное средство тронулось с места.

Только я хотела раскрыть рот, как услышала:

– Молчать! Говорить запрещено.

Я послушно заткнулась и только тут поняла, что неспроста Люсиль-то боялась за свою жизнь. Вот ей сейчас хорошо: в моем теле, в моем мире. А мне придется отдуваться. Знать бы еще за что.

Что-то они кричали про госизмену? Если не ошибаюсь, госизмена во все времена и во всех странах каралась весьма жестко.

Дальнейшее показало, что ошиблась я не намного.

Глава 3

Без вины виноватая

В тряском автовагончике имелось всего одно окно, забранное решеткой, и находилось оно чуть ли не под потолком, так что виднелся всего лишь кусочек неба. Кандалы оттягивали руки; тонкая кожа на запястьях покраснела, того и гляди сотрется до крови. Внезапно мне стало жаль этого молодого и красивого тела. Владелица его наверняка имела успех у мужчин, ухаживала за собой. Вон какие волосы. Мне-то хорошо известно, как тяжело поддерживать тело и лицо в приличной форме. Что ж ты натворила, бедняжка Люсиль, что тебя сперва убили (почти), а теперь вот везут куда-то, как злостную преступницу? И вообще, с каких пор у нас преступников заковывают в кандалы? Даже в Америках всяких там маньяков сковывают, конечно, но не чугунными же цепями?

Мысль, которая пришла мне в голову внезапно, многое объясняла, но не утешала нисколько, а только добавляла паники. Я не в своем мире! Не в России и, может быть, даже не на планете Земля. От ужаса этого открытия я непроизвольно дернулась и застонала, потому что проклятые кандалы все же содрали кожу, и из-под черного металла проступила кровь.

Я всхлипнула и тут же примолкла. Вообще-то за свою долгую тридцатилетнюю (с хвостиком) жизнь чего только на меня не валилось. И пистолетом мне в голову тыкали, и тюрьмой грозили, и даже возили закапывать в лес. Ну да, был такой эпизод в моей жизни. Вспоминая его, я даже невольно улыбнулась – нет, не тому, что чуть не поседела, стоя на краю ямы, а тому, как аукнулось этим придуркам попытка меня запугать. Короче, я тертый калач, и вот эти вот всхлипы – это не я, а, скорей всего, слабость характера прежней Люсиль. Ну а что, девушка она молодая, жизни не нюхавшая, хоть и зарабатывала на жизнь тем же, что и я.

«Так, бери себя в руки, рано раскисать», – приказала я себе, но аутотренинг прервала резкая остановка транспорта.

Очень и очень нелюбезно меня вытащили наружу. Я огляделась и даже приоткрыла рот. Это весьма походило на двор Петропавловской крепости. Мощеный камнем двор, бастионы... Значит, я все же в Петербурге?

Грубый толчок в спину – и вот я уже иду по узкой лестнице куда-то вниз, потом по коридору и наконец попадаю в темную комнату, где меня усаживают в жесткое неудобное кресло, стоящее прямо напротив большого письменного стола на львиных лапах. Стол, вероятно, и есть главное украшение этого кабинета; тут аккуратно расставлены массивный чернильный прибор, настольная лампа под грибовидным колпаком, какие-то листы; бронзовый бюст сантиметров двадцать высотой, изображающий женщину с высокой прической. Позади стола – огромный, от пола до потолка, глухой шкаф, больше похожий на сейф, потому что где-то на уровне глаз человека видна прямоугольная панель с какими-то знаками. Куда ж это меня занесло?

Общий интерьер помещения не радовал. Стены обиты какими-то панелями, вроде металлических, но с тусклым матовым блеском. Тяжелые черные шторы закрывают половину стены. Что там? Окна или что-то иное? Массивные шкафы из ореха, если не ошибаюсь, и за их мутными стеклами торчат корешки фолиантов. Что это за книги, с этого места не разобрать. Кресло, в которое меня усадили, слишком большое для моего роста; даже ноги до пола не достают. Если и захочешь слезть, то придется попрыгать, да еще и кандалы эти...

Дверь позади меня открылась, и я замерла, вслушиваясь в шаги. Раздался шорох, словно вошедший снимал пальто или что-то еще. Полумрак комнаты внезапно озарился ярким светом – вспыхнула настольная лампа.

Пока я щурилась и смагивала выступившие слезы, вошедший уже уместился за столом, подвинул лампу так, что она осветила ярким пятном мое кресло, сам же остался нечетким контуром в полосе темноты.

Воцарилось молчание. Незнакомый, вероятно, ждал, что я начну задавать вопросы, возмущаться или умолять, но я предпочла держать язык за зубами. Ему надо – пусть первый и спрашивает, тем более что я пока не поняла, где я и что происходит.

– Итак, – он все же решил не ждать, пока я созрею, – госпожа Шуйская, вы ознакомились с обвинением?

Я мотнула головой. Шуйская – это я, значит? Странно, эта фамилия была мне знакома. Эту фамилию носила, кажется, прабабка, пока не вышла замуж и не сменила ее на менее опасную в те годы – Смирнову. То есть выходит, что я и бедняжка Люсиль мало того что почти тезки, так еще и почти однофамилицы.

– Госпожа Шуйская! – прикрикнул человек за столом. – Вы поняли вопрос?

– Нет, – я мотнула головой. – В смысле, поняла, но ни с каким обвинением меня не знакомили. Я сидела дома, никого не трогала, ворвались, заковали... – В подтверждение своих слов я брякнула кандалами и невольно скривилась от боли в стертых запястьях.

Послышался шорох бумаг.

– Люсиль Авдеевна Шуйская, вы обвиняетесь в незаконном промысле, а именно: не имея соответствующего ранга, не состоя в магическом круге посвященных, занимались предсказанием грядущего. В частности, посмели делать карточный расклад на будущее царевне Елизавете, что привело к тяжелым последствиям, негативно влияющим на политическое положение страны в мире...

По мере того как он читал, мой рот наполнился слюной; я неосторожно вдохнула, захлебнулась и натужно закашлялась. Слабые нервишки были у Люсиль, думала я, пытаюсь справиться с кашлем, слезами и текущим носом.

– Простите, – прогнусавила я, – это так неожиданно, что я даже не знаю, что сказать.

– Неожиданно? – удивление в голосе мужчины достигло максимума. – Неожиданно, что вы нарушили статью сто десятую, часть третью, с которой вы обязаны быть знакомы, если, конечно, брали лицензию на занятие гадательной практикой?

Крыть было нечем. Если Люсиль занималась гаданием законно, то эту статью (о чем она, интересно?)

должна была знать; если же ее деятельность была нелегальной, то тем более понимала, чем чреваты последствия. Но у меня был козырь; правда, сперва надо выбить у него инициативу.

– Простите, могу я узнать ваше имя? – спросила я. – К сожалению, этот яркий свет не дает мне возможности вас рассмотреть.

Мужчина кашлянул; ему, вероятно, и в голову не приходило, что кто-то может его не знать, но прежде чем он решит, что меня стоит наказать за дерзость, я быстро и горячо заговорила:

– Простите, но со мной произошла неприятность. После покушения я частично утратила память; часть событий просто как корова языком слизнула. Я, право слово, мало что могу рассказать, а вообще – почти ничего.

– Хорошая попытка, – усмехнулся тот, кто прятался в тени. – Совершить одно из самых тяжких преступлений и уповать на амнезию. Смело. Но глупо.

– У меня правда амнезия, – не сдавалась я. – Ну, пусть меня проверит какой-нибудь психолог или психиатр... – тут я осеклась, потому что кто знает, есть ли в этом мире такие профессии. Хотя с амнезией-то они вот знакомы...

– Допустим, – внезапно сказал он, – вы чего-то не помните. А что царевна Елизавета приглашала вас к себе и просила сделать карточный расклад, помните?

Пришлось неуверенно пожать плечами.

– Очень смутно.

– Хорошо. А статью сто десятую закона о магии вы помните тоже смутно?

– Если напомним, буду чрезвычайно признательна, – буркнула я.

– Запрещается предсказывать будущее в любом виде. Далее идет перечень того, что именно нельзя предсказывать и за что следует наказание – каторжные работы на флюоритовых рудниках от трех до пятнадцати лет в зависимости от тяжести. Но вы, госпожа Шуйская, зря надеетесь отделаться так легко. Ваше преступление подпадает под пункт третий этой статьи, а именно – вы сделали предсказание, имеющее огромное значение для внешней политики государства и нанесшее урон безопасности страны. И надеюсь, вы помните, что это одна из тех, немногих, кстати, статей, наказание за которые – смертная казнь.

Рот, еще недавно полный слюной, которая все никак не кончалась, внезапно пересох. У меня буквально стиснуло горло спазмом.

– Ка-казнь? – просипела я. – Да вы с ума сошли? За что?

– Напомнить вам, что вы предсказали царевне Елизавете? – Видимо, я мотнула головой, потому что он с каким-то злорадством тихо и зловеще произнес: – Вы осмелились предсказать ее высочеству, что брак с датским принцем окажется губительным для нее, ее родных и в общей сложности для России.

Глава 4

Тот еще однофамилец...

Потянулась долгая пауза. Я пыталась осмыслить сказанное и внезапно подскочила: он сказал – России? То есть это странное место – это не другая планета, не что-то непонятное, а просто Россия? Хотя какая же это «просто Россия» – с кандалами, каторгами, казнями и царевнами... и главное, с магией. Это ж надо было так влипнуть! Настоящей Люсиль можно только позавидовать: сидит сейчас на берегу теплого моря и радуется. Правда, ей придется привыкнуть к лишним годам и лишнему весу, но зато никто не наденет ей кандалы и не потащит на плаху.

Моих ушей достиг стук – хозяин кабинета пытался привлечь мое внимание. Его рука оказалась в пятне света, и я уставилась на нее, открыв рот. В силу профессии я всегда очень внимательна к деталям: как человек одет, как держится, и главное – какие у него руки. О, руки говорят многое, если не все. Вот эти руки определенно принадлежали человеку сильному, волевому, хладнокровному и... абсолютно безжалостному. Да, этот еще и сам отвел меня к лобному месту, а может, и сам занесет топор.

– Я, правда, ничего не помню, – пролепетала я, чувствуя, что это хрупкое тело совсем не умеет держать удар; того и гляди, в обморок грохнется. Вернее, я – я грохнусь в обморок.

Мужчина встал, отодвинул стул, вышел из-за стола. Широкие плечи закрыли свет, я почувствовала, как его холодные сухие пальцы легли мне на виски. По коже головы побежали морозные иглы, и все онемело. Мне даже показалось, что корни волос покрылись инеем.

– Странно, – он склонился надо мной еще ниже, и я почувствовала исходящий от него странный запах: хвойно-древесно-кожаный, с нотками, как ни странно, металла, а в конце пахло еще лавровым листом и гвоздикой. – Согласно вашей лицензии, у вас слабая пятерка. – Он отнял руки от моей головы, но не отходил, стоял совсем рядом. Мои глаза находились на уровне его живота, и я видела отблеск пуговиц на его мундире. – Да, пятерка, но сейчас я не чувствую ничего. Такое впечатление, что там нуль. Полный нуль, даже без проблеска.

И вот тут он согнулся чуть ли не вдвое, и прямо перед собой я увидела его глаза. От его взгляда хотелось закрыться руками, а еще и закричать: «Я в домике!». Видели ли вы небо зимней ночью? Ультрамариновое и манящее улететь в него? Вот примерно такого цвета были глаза у моего... мучителя. Хуже не придумать. На лицо я даже сперва и внимания не обратила, а потом разглядывать стало некогда, потому что в дверь коротко стукнули, и она распахнулась.

– Ваше сиятельство, – раздался скрипучий голос, – вижу, вы не теряете время даром. И как успехи?

Синеглазый выпрямился; я еще успела увидеть, как он щелкнул пальцами, и в комнате вспыхнул яркий свет.

– Чему обязан, Владислав Юрьевич?

Судя по голосу хозяина кабинета, появлением визитера он доволен не был.

– Пришел избавить вас от хлопот – забрать подозреваемую.

Обморок был уже так близко, что только силой воли я удержалась в сознании. Пришедший понравился мне еще меньше, чем обладатель красивых рук и прекрасных глаз. Лет за пятьдесят, с лысиной и бакенбардами, в сером костюме, напоминающем военный френч с воротником-стойкой, обшитым красным галуном. На сгибе руки он держал очень странный головной убор, отдаленно напоминающий маленькую треуголку.

– Простите, граф, но это дело находится в ведении Тайной канцелярии, – холодно сказал синеглазый.

– А Его Высочество считает, что угроза жизни члену царской семьи должна расследоваться именно в Департаменте личной охраны членов императорской семьи.

– Насколько я понимаю, царевне Елизавете ничего не угрожало. Разве что несколько неприятных минут.

– Вот как? Вы оспариваете мнение Великого князя Ольденбургского? – брови серого графа встали домиком над глубоко посаженными глазами.

– Ни в коем случае. Но в данном деле я руководствуюсь буквой закона, подписанного, между прочим, ее величеством императрицей Александрой.

– Да? А нет ли у вас, Даниил Андреевич, в этом деле собственного интереса? – с насмешкой спросил этот мерзкий тип, который мне и сразу-то не понравился, а с каждой минутой нравился все меньше и меньше. А вот синеглазый... у него еще и имя-то какое!

– Объяснитесь, – последовал холодный вопрос.

– Ну, как... Если не ошибаюсь, у дамочки весьма примечательная фамилия, не так ли? – и он вдруг быстро подошел и уставился мне в лицо немигающим скользким взглядом.

– А... – губы Даниила Андреевича тронула слегка презрительная улыбка. – Шуйская... хм, забавно.

– О, вы так считаете?

– Да, господин Скопин, считаю. То, что подозреваемая и я носим одну и ту же фамилию, кажется вам подозрительным, но мне лишь говорит о степени вашей некомпетентности.

– Что?! – Этот урод, Скопин, или как его там, отскочил от меня и, наверное, бросился бы на собеседника с кулаками, но сдержался.

Даниил Андреевич присел на краешек стола и лениво и даже несколько монотонно произнес:

– Как вам наверняка известно, господин граф, когда царица Анастасия подписала указ о вольных хлебопашцах, то крестьянское сословие стало получать удостоверения личности, или паспорта. Так как фамилий у них прежде не было, то царским же указом повелели давать фамилию их прежнего владельца. Так в Российской земле появились многочисленные Шереметевы, Нарышкины, Юсуповы, Шуйские и, да, Скопины тоже. Думаю, что так властвующая династия хотела ослабить древние роды, наводнив их однофамильцами все регионы. Теперь в каждом уголке страны самый последний босяк может носить вашу фамилию, ну, или мою, или еще какую...

Лицо Скопина посерело, приблизилось по цвету к френчу. Видимо, так проявлялся его гнев.

– Спасибо за экскурс в историю, граф Шуйский, – прошипел он. – И все же я забираю подозреваемую... В таком деле вы ничего не добьетесь вашими традиционными гуманными методами. Но допрос с пристрастием развязывает любые языки.

Даниил Андреевич вскинул ладони, как бы не возражая, и мое сердце ухнуло вниз. «Нет! – хотелось заорать мне. – Только не отдавай меня этому упырю!»

– Ради Триединого! – сказал Даниил Андреевич и протянул руку. Скопин посмотрел на него недоуменно. – У вас же есть приказ? Надеюсь, Великий князь Ольденбургский подписал соответствующий документ?

Было видно, как Скопин аж зубами скрипнул.

– Это было устное распоряжение, – глухо сказал он. – Но вы же не ставите под сомнение слова Великого князя?

– Ни в коем случае. Но дело о госизмене находится в ведении Тайной канцелярии, то есть в моем, и я несу за расследование персональную ответственность. Мне, знаете ли, тоже не улыбается провести остаток дней в рудниках, – и он улыбнулся холодно и надменно.

Скопин посерел еще больше, стал похож на какого-то черта из преисподней. Он постоял в какой-то задумчивости, потом водрузил на голову треуголку, коротко кивнул, вскинул руку к голове и вышел.

Я обмякла в кресле, словно только что в меня снова запустили разрядом и чудом промахнулись. Но расслабиться мне не дали.

– Итак, продолжим, – словно ничего не произошло, сказал, как выяснилось, мой однофамилец. – Вы упомянули покушение. Слушаю в подробностях.

– Выходит, вы тоже Шуйский, – пробормотала я, и Даниил Андреевич удивленно наклонил голову.

Пришлось поспешить начать рассказ. – Я плохо помню. Кто-то пришел ко мне и ударил меня электричеством.

– Чем?

Так, видимо, электричество тут не знают? Но лампа же как-то горит...

– Не знаю, чем-то таким... – Я хотела бы показать руками шарик, но в кандалах это оказалось затруднительно. – Разрядом, не знаю... такая яркая вспышка.

– Белая? ПлазмOID?

Кажется, так называл то, чем убили его сестру, Тедди, и я с готовностью подтвердила.

– Чушь! После удара плазмОида вы бы не выжили, не с вашей пятеркой.

– Но я же вот, – попыталась я выпрямиться. – Значит, не все не выживают.

Шуйский сунул руку в нагрудный карман и вытащил часы, круглые, со стеклянной крышечкой.

– Хорошо. Мы продолжим завтра. – Он окинул меня холодным взглядом и вышел, оставив с открытым ртом.

Что значит, «завтра»? Мне что, тут так и сидеть все время? Вот же... гад!

Хоть я и была напугана серым графом, но и Шуйского успела рассмотреть. Ну, красавцем его не назовешь, слишком уж холоден: жесткая линия рта, прямой нос с резными ноздрями, чуть впалые щеки – все говорило о скверном характере и упрямстве, ну, и о великолепном умении наживать себе врагов. Зато фигура... какой-нибудь античный дискобол из Эрмитажа съел бы от зависти свой метательный снаряд.

В кабинет вошли двое в черных мундирах, выдернули из кресла и повели опять по коридору, а потом вниз и еще раз вниз. Возле массивной двери быстро сняли кандалы и впихнули в камеру.

Под потолком горела лампа, закрытая сеткой. Чуть выше человеческого роста виднелось решетчатое окно. По бокам стояло две койки: одна пустая, на второй кто-то лежал, укрывшись одеялом.

Засов на двери с той стороны лязгнул, я прокралась к свободной койке и забралась на нее с ногами. С жалостью посмотрела на стертые до крови запястья. Человек на второй койке шевельнулся. Еще неизвестно, кто там. Может, какая-то убийца или психованная. Я закрыла лицо руками, захотелось уткнуться в подушку и зарыдать. Останавливало лишь то, что подушка не казалась образцом чистоты. Ничего, порыдать можно и так.

– Эй, реवेशь? – раздался громкий шепот. – Не стесняйся, реви! Не помешаешь. Тут все поначалу так.

Я отняла ладони от лица. Румяная деваха с круглыми щеками и полными губами смотрела на меня блестящими глазами. Она сидела на койке по-турецки и куталась в грубое суконное одеяло.

– Тебя на утопление или на... – она сделала характерный жест, намекавший на повешение. – Не сказали еще? Лучше утопление, – со знанием дела кивнула деваха. – Там, говорят, выпить дают, тонешь быстро. А веревка – дело такое: они ж там испражняются в процессе. Невесело так-то висеть: язык наружу, по ногам течет...

– А-а-а! – завизжала я и швырнула в нее подушкой. – А-а-а!

Лампочка под потолком мигнула и погасла.

Глава 5

В застенках

В полнейшей темноте я слышала лишь свое шумное дыхание и шорох у противоположной стенки. Сбоку лязгнуло, появился небольшой прямоугольник света, и кто-то спросил:

– Чего орали? В карцер захотели? Свет зачем выключили?

– Дядечка, мы не хотели! Тут крыса! Крыса! Ой, спасите! Не губите!

– Тьфу! – выругался невидимый мне стражник, и пятно света пропало.

Лампа под потолком тускло загорелась, но этого хватило, чтобы разглядеть, что деваха сидит за столом и уплетает булку, прихлебывая что-то из кружки. Мой желудок тут же откликнулся громким урчанием.

– Голодная? – деваха посмотрела в мою сторону. – Держи, только ешь быстро, пока лампа силу не набрала.

– П-почему? – все же спросила я. Чувство любопытства оказалось сильнее голода.

Булка оказалась не очень свежей, но я и той была рада. Сколько же я не ела?

Лампа разгоралась все больше и больше. Деваха с сожалением посмотрела на недоеденную булку и сунула куда-то в одежду.

– Прячь, – шепнула она. – Нельзя еду в камере держать, отберут и в карцер посадят. А там совсем кисло. – Видя мое недоумение, она соизволила пояснить: – Ну, чтоб крыс и тараканов не приваживать. Они ж лезут на остатки. А флюрики им на защиту от грызунов тратить не охота. Типа, мы и так перебьемся. Все равно нас на рудники отправят, если, конечно, не... – и она опять сделала жест, имитирующий повешение.

Сейчас он уже не произвел на меня такого ужасающего воздействия. Я уже почти успокоилась и теперь могла рассмотреть соседку по несчастью. За что могли посадить эту пышущую здоровьем крестьянку? У нее на лице – годы кормления парным молоком и отборными сливками. Видимо, то же самое делала и деваха: разглядывала меня и удивлялась, как такую приличную барышню могли упечь в каземат...

– Спасибо за еду, – поблагодарила я, приняв как можно более аристократический вид. – Могу я узнать ваше имя, девушка?

Деваха фыркнула так, что забрызгала меня слюной. Я утерлась и процедила:

– Рот прикрывать надо, свинтусятина.

Деваха расхохоталась.

– Ой, не могу! А корчила из себя приличную! Но я-то сразу поняла, каковская ты. Так что ты мне тут не строй из себя. А зовут меня Манькой.

– Облигацией? – вырвалось у меня машинально.

Девушка выкатил глаза.

– Тю! Ассигнация я! Манька-ассигнация, ясно?

– П-почему?

Так, кажется, в минуты волнения это тело еще и заикалось. Да, тут еще работать и работать с ним.

Манька покрутила рукой.

– Ну, один раз я на спор ассигнацию нарисовала. Побились на сто рубчиков, что нарисую один в один, не отличить.

– Тебя за подделку денег сюда посадили?

– Да ну! – отмахнулась она. – За купца Ерохина. Попросил один документик нарисовать. Нет, сам документик отличный вышел, а вот купец взял да помер. Его наследники документик нашли и в суд с ним – мол, вот есть бумага, по которой вот такое-то имущество нам принадлежит. А судья велел эк... эс... пертизу провести, тьфу! – Манька выплюнула трудное слово. –

Вот меня и взяли. Кто ж знал, что купец Ерохин каждую копейку расходов в книжицу себе вносит. Вот и меня записал, мол, оплачено Маньке Зарубиной целковый за изготовление бумаги. Что за бумага, и ежу понятно.

– И что, за это так серьезно наказывают?

Манька посмотрела в потолок, пожала плечами.

– Ну, может, если повезет, три года дадут. Выйду старухой, без зубов и лысая.

– Что там за рудники такие? – ужаснулась я. Судя по рассказу Маньки, урановые какие-то.

– Флюоритовые, конечно, – Манька посмотрела на меня даже осуждающе.

– Слушай, у меня частичная потеря памяти, – запела я ту же песню. – Ничего не помню. Помню, что за госизмену посадили. Но я уверена, что ничего такого не делала.

– Ничего, как допрос с пристрастием проведут, сразу вспомнишь, – осклабилась Манька.

– Это, прости, пытки, что ли? – Внезапно я поняла, как холодно тут в камере. Сдернула одеяло и накинула на себя. Помогло плохо, дрожь шла изнутри.

– Ага. Я потому никогда не запираюсь, сразу все выкладываю. А то начнут железом каленым прижигать, на лекаря потом все деньги изведешь.

– А что, тебя уже допрашивали?

Манька нехотя кивнула.

– Давно. Я тогда молодая была совсем, думала, выдержу. Не-а. Там никто не выдержит, только шкуру зря попортишь. Так что если тебя пристав выспрашивать начнет, то колись сразу. Может, тогда скостят год-другой. Это если тебя на утопление не наладят.

– Да что ж такое-то?! – я воздела руки. – Пытки, каторга... рудники эти, как его, флюоритовые. Да где же я?

– Как? Ты и где живешь забыла? – Манька выкатила и без того круглые глаза. Я с готовностью кивнула. – Вот дает! Невоград же! Столица. Тут матушка-императрица Александра и муж ейный, Великий князь Ольгерд Ольденбургский.

Из соображений сохранности слабой своей психики я не стала ничего уточнять, и так голова взорвется просто. Но один момент все же хотелось узнать.

– А этот флюорит, что такое?

Манька вздохнула и посмотрела с жалостью.

– Да, сильно тебя шандарахнуло. Это ж магический камень. Он все – и свет, и тепло, и амулеты всякие, и оружие... Добывать его, правда, нелегко, он фонит сильно, и силу из человека быстро сосет. Сгорают люди моментом. Если тебе трешку дают, считай, не выйдешь уже. Мало кто доживает, а если и доживает, то стариком возвращается. Видела я таких, ну его, лучше уж помереть сразу. Вот если годик всего дадут, – она мечтательно закатила глаза, – то шанс есть.

Спросить ничего я не успела, замок лязгнул.

– Шуйская, на выход, – скомандовал стражник.

Может, меня решили выпустить? Разобрались и поняли, что опасности не представляю и вреда не причинила? Слабая надежда гасилась нехорошим предчувствием. Я даже не кивнула Маньке на прощание, так была занята тем, чтобы не трястись крупной дрожью.

Я же помнила, что сюда меня вели вниз, и по идее должны были теперь вести вверх, но нет. Сейчас мы снова спускались по узкой лестнице, пахнувшей сыростью.

Первое, что бросилось в глаза, – была пламенеющая жаровня, а в ней, как трубочки в коктейле, торчали какие-то железные прутья. Рядом с жаровней стоял человек с закатанными рукавами белой рубашки и в длинном кожаном переднике.

Он повернулся, и мое сердце пропустило удар.

– Госпожа Шуйская, – оскалился упырь, – вот и встретились снова. Проходите, для вас приготовлено вон то удобное кресло.

Я смотрела на Скопина и мысленно прощалась с жизнью. Этот от меня живого места не оставит, а я даже не знаю, что ему рассказать, как в анекдоте: «Давно бы рассказал, если б знал».

Скопин поднял одну из железяк, на ее конце горело алым раскаленное клеймо. Как меня усадили в кресло и приковали руки к подлокотникам, я помнила плохо. Только почувствовала, как рвется одежда на груди.

Глава 6

Допрос третьей степени

Скопин сунул раскаленный прут обратно в жаровню, и это на какое-то время вернуло мне способность мыслить – не так хорошо, как обычно, но все же; страх уже не скакал под черепной коробкой бешеным кузнечиком. «Он просто пугает, – успокоила я себя, – не может быть, чтобы в этом мире тыкали живых людей калеными прутьями. У них же даже что-то вроде автомобилей есть, и монстры по улицам не бродят. Кажется. Вообще, навскидку похоже на Россию века так девятнадцатого, того, что ближе к концу, судя по наличию техники. Хотя Манька что-то говорила про какие-то магические камни, которые здесь, видимо, заменили ископаемое топливо...»

– Госпожа Шуйская!

Окрик вернул меня в реальность, я вскинула глаза. Скопин навис надо мной и теперь вглядывался в лицо, словно примериваясь, с какого бока мясо окажется вкуснее.

– Что вам от меня надо? – дрожащим голосом произнесла я. *«Да-да, мне страшно, очень страшно, пусть твои садистские наклонности возликуют»*. – Я ни в чем не виновата, господин Скопин. Я простая девушка...

– Девушка? – Скопин хмыкнул.

Против воли я поняла, что заливаюсь краской. Надеюсь, этот садист не заметит моих пылающих щек в отблесках огня от жаровни.

– Ну... технически, я все же не юноша, если вы заметили, – выдохнула я и тут же пожалела. *«Люся! Держи язык в узде... Ну, вот снова назвалась дурацким именем. А все родители...»*

Новый окрик заставил вздрогнуть. Понятно, что мысли мои сейчас даже не скакуны, а какие-то пловуны. Плынут себе куда-то, уносят меня от страшной действительности.

– Кто пригласил вас во дворец?

Я хлопала глазами.

– Царевна...

– Не надо лгать! Его Высочество царевна Елизавета отрицает, что приглашала вас.

– Наверное, это сделал кто-то по ее просьбе? Честно, я не помню, как было дело.

– Может быть, запах горелой плоти вернет вам память?

Он склонился еще ближе, и на меня действительно пахло – отнюдь не горелым. Во рту этого плешивого пердуна явно кто-то помер. Я зажмурилась, но не отвернулась.

– Мне принесли письмо, – забормотала я быстро-быстро. – С утренней почтой. Такое белое с золотой каемочкой. Конверт, в смысле, такой беленький и с золотыми буковками.

– Беленький? – Скопин вроде даже задумался.

Про конверт я придумала только что, и цвет выбрала самый аристократический из всех. Что может быть изящнее, чем белая бумага и золотые виньетки?

Меня потрясли за плечи, глаза пришлось открыть.

– Где письмо? Его не было в бумагах, изъятых из вашего дома.

– О! Я сожгла его. Это было указано. «После прочтения – сжечь». Господин Скопин, у меня и в мыслях не было совершать какие-то преступления. Простите, если я нарушила что-то...

– Триединый простит, – злорадно сказал он. – Про письмо вы явно врете. Хорошо. Спрошу последний раз: кто велел вам проникнуть обманом в покои царевны и сделать ей запрещенный законом расклад на грядущее? Кто велел опорочить имя наследника Датского престола и тем самым ввести страну в состояние войны с Данией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.